

УДК: 572; 7.041

ББК: 28.7; 85.1

DOI: 10.18688/aa2111-11-73

Л. Ю. Шпак, И. В. Перевозчиков

Изобразительное искусство как антропологический источник

Уже на ранних этапах становления антропологии как самостоятельной отрасли знания исследователи обратили внимание на искусство как на феномен, а на произведения искусства, как источник антропологической информации. Биология человека, а именно физическая антропология и изобразительное искусство, которые, казалось бы, не имеют ничего общего, на самом деле неразрывны с момента открытия миру палеолитического искусства и первых изображений человека. Искусство как форма креативной деятельности *Homo sapiens* присуще нашему виду: оно не только сопровождало его в эволюции, но было одним из её составляющих и движущих сил, социальным механизмом, способствующим этой эволюции [18; 20]. Несмотря на отсутствие индивидуализированного портрета в раннем искусстве [1; 2], изображения физических черт человека способны поведать о многом, в том числе об антропоэстетике наших предков, об их телесности, мировосприятии.

В антропологии важным источником информации являются описательные и измерительные морфологические признаки. Классификации, применяемые в расоведении и этнической антропологии, построены на признаках внешности [19]. Но такие признаки, как пигментация, особенности формы и строения мягких частей лица, важные для отождествления, имеют очень короткую хронологическую шкалу в силу естественных причин. Основным методом получения информации о биологических особенностях древнего населения остаётся изучение костных останков, но при этом часть информации о внешних особенностях теряется. Кроме того, используя только краниологические признаки, бывает трудно отличить варианты даже в пределах таких крупных подразделений, как малые расы (например, северные и южные европеоиды).

До эпохи фотографии сведения о внешности человека можно было получить либо из его описания современниками, либо из его прижизненного изображения художником, и каждый из этих источников информации имел свои недостатки в смысле достоверности. Антрополог и художник в процессе профессионального обучения получают знания об анатомии и морфологии человека. Первой научной попыткой использовать костную основу для реконструкции внешности, где были объединены антропология, археология и скульптурный портрет, стал метод антропологической реконструкции М. М. Герасимова. Сотни реконструкций, произведённых благодаря уникальному чувству пластической формы талантливого антрополога-скульптора, открыли нам целую галерею лиц наших предков и исторических персоналий [6]. Портретные реконструкции

М. М. Герасимова могут неопровержимо считаться независимым источником антропологической информации в исторических реконструкциях [3]. Методика продолжала развиваться последователями отечественной школы портретной реконструкции антропологами Г. В. Лебединской, Т. С. Балуевой и использоваться в палеоантропологии для визуализации облика древнего населения. Несмотря на то, что методика многократно подтверждалась практикой криминалистических экспертиз, она продолжает уточняться и совершенствоваться дополнительными поисками связей между мягкими покровами и костными структурами в работах С. А. Никитина, Е. В. Веселовской и других исследователей¹. Но такие признаки индивидуальной портретности, как форма слизистой губ, форма ушной раковины, носа, глазной щели, строение складки верхнего века, не столь актуальные при реконструкции ископаемых форм гоминид, но важные в криминалистике и исторической портретной реконструкции, пока остаются вне системы описания, так же как и пигментация, форма волос.

Одним из направлений междисциплинарных исследований лаборатории расоведения НИИМА МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством д. б. н. И. В. Перевозчикова[†] уже более десяти лет является изучение физических особенностей древних групп по произведениям искусства. Изучение истории развития портрета как жанра показывает, что существует большое количество временных периодов, когда изображения человека отличались высокой степенью точности и реалистичности [8; 21]. Именно на таких периодах и сконцентрировано внимание исследователей лаборатории, при этом рассматриваются все виды портретных изображений: живописные и графические портреты, скульптуры, фрески и т. д. Традиция данного направления с использованием древних изображений человека в антропологии не нова. Этот подход применяли отечественные антропологи: В. В. Бунак при изучении древней скульптуры с территории Передней Азии, Г. Ф. Дебец при изучении таштыкских масок, И. И. Гохман и Л. Л. Баркова при изучении предметов декоративно-прикладного искусства скифского времени Алтая². В зарубежной литературе имеются отдельные публикации на эту тему, например у К. Герхарда, который работал с портретами на этрусских саркофагах, К. Куна, использовавшего описательные характеристики особенностей телосложения и пигментации минойцев и греков, отображённых на фресках и вазописи, в расоведческих монографиях, например у Э. Эйкштеда³. Иконографический материал чаще использовался в качестве дополнительного к оценке физических характеристик по палеоантрополо-

¹ Никитин С. А. Дальнейшее развитие метода антропологической реконструкции. Восстановление глаза // Вестник антропологии. Научный альманах. М., 2007. Вып. 15, ч. 2. С. 433–438.; Веселовская Е. В., Синёва И. М., Борисова Е. Б. Новые данные к реконструкции по черепу среднего этажа лица // Вестник Московского университета. Серия ХХIII. Антропология. 2019. № 1. С. 5–17.

² Бунак В. В. *Crania Armenica*. Исследование по антропологии передней Азии. М.: Наука и Просвещение, 1927. 290 с.; Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.: Изд-во Академии наук, 1948. 392 с.; Л. Л. Баркова, И. И. Гохман. Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.: 1994. С. 24–35.

³ Gerhardt K. Bemerkungen zur Anthropologie der Etruscer // Homo. 1954. Vol. 5, № 2–4. S. 180–185; Coon S. Carleton. The Races of Europe. New York, The Macmillan Co., 1939. 739 p.; Eickstedt E. F. Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit (Ethnology and the Race History of Mankind). Stuttgart, Ferdinand Enke, 1934.

гическим данным, хотя нередко эти артефакты являлись едва ли не единственными антропологическими свидетельствами. Однако, данный подход, как и метод антропологической реконструкции, основывается на индивидуально-типологической системе описания. Мы подошли к антропологическому изучению изобразительных источников с позиции популяционного подхода, когда группа портретных изображений анализируется как реальная совокупность индивидуумов, аналогично выборкам из популяций. Такой подход позволяет визуализировать обобщённые образы древнего и современного населения Европы по произведениям искусства, характеризовать внутри- и межгрупповую изменчивость антропологических признаков в исследуемых группах. При этом одной из важных задач является правильное формирование выборки, согласно территориальному, хронологическому, историческому и художественному контексту.

В нашей работе используются два основных метода: обычные расчёты средних арифметических величин по каждому из признаков и создание обобщённых изображений по типу хорошо известных обобщённых фотопортретов на основе метода Ф. Гальтона [24; 13]. В процессе работы в нашей лаборатории были отработаны и проверены методы описания признаков, оценки ошибок при этом описании и методы цифрового обобщения на многочисленных выборках из различных этнических групп [9; 12; 14]. Обобщённый портрет представляет собой групповую характеристику и отражает картину изменчивости в выборке индивидуальных изображений, работая, по сути, как факторный анализ и определяя наличие или отсутствие типологического единства в этой выборке. Это положение подтверждено работами, сделанными как по фотографическим изображениям, так и по художественным источникам [5; 9; 10], что показывает индифферентность метода обобщённого портрета к технике выполнения портрета. Аналогичные свойства обобщённого портрета — неизменность групповой характеристики — проявляются и на различных выборках из одной генеральной совокупности (фотографии или портреты на основе разных индивидуальных изображений, но с определённого географического региона и хронологического периода). Несмотря на определённые различия в эстетическом восприятии лица, изображённого на фотографии и на портрете, фундаментальные свойства естественных лиц сохраняются в художественных изображениях, в том числе и обобщённых [25]. При передаче антропологической информации через художественный портрет главным посредником выступает художник. Однако, несмотря на индивидуальное восприятие, разную степень мастерства, индивидуальную манеру письма, компромисс «художник – заказчик», неизбежную «ошибку метода» исследования, наша методика позволяет получить объективные данные об антропологическом типе по выборке изображений. Так, на примере сравнения десятков пар портретов одного человека, нарисованных разными художниками, а также пар портрет — фотография, была установлена точность передачи черт лица художником [5; 9]. Ошибка определений составила не больше полбалла различий в отображении художниками некоторых признаков (чаще — цвет глаз, высота крыла носа, толщина нижней губы и др.), что находится в пределах ошибки метода и несущественно сказывается на описании антропологических особенностей группы. Это может объясняться тем, что художники, создавая портреты, в первую очередь уделяли внимание более важным для узнавания портретируемого признакам (форма носа, губ, разрез глаз, складка верхнего века).

Наш метод в его нынешнем состоянии можно описать следующим образом. В зависимости от задач исследования определяется объём описательной программы и составляется антропологический бланк. Портреты пожилых людей со старческими изменениями в пропорциях лица, как и индивиды младше 16–18 лет, в выборку не включаются. Исключались также династийные и религиозные портреты. Для каждого портрета заносится максимально полная информация о портретируемом (национальность, социальный статус, возраст и др.). Производится определение технических особенностей портрета (ракурс, освещение, выражение лица, особенности одежды, парик, головной убор и проч.). Отмечаются индивидуальные морфологические особенности (асимметрия, косоглазие, шрамы, бородавки и т. п.). Определяется манера, в которой исполнен портрет, и материал, использованный мастером (масло, акварель, графика, скульптура). Далее создаётся два типа выборки: 1) по всем изображениям для определения описательных, в том числе расово-диагностических признаков и дальнейших статистических расчетов, 2) по портретам в одном ракурсе для получения обобщенного изображения. Для определения субъективной ошибки, которая может составлять около 5–10% определений, проводится повтор (примерно через месяц) определения признаков⁴. При определении признаков используется стандартный набор принятых в антропологии шкал, а также муляжи и рисунки в баллах развития признака [4; 26]. Определение пигментации для каждой группы в зависимости от изобразительного материала имеет свои методические нюансы, но в целом может быть привязано по цвету волос к шкале Фишера, по цвету кожи — к шкале Лушана [26], по цвету глаз — к шкале В. В. Бунака [4]. Градации шкал для антропологических характеристик рассчитаны на описание в пределах мирового размаха изменчивости признака, что позволяет производить межгрупповые сравнения. Методика составления субъективного портрета (габитоскопия), применяемая криминалистами в судебно-портретной экспертизе [7] также использует морфологические признаки головы и лица, однако она нацелена на выделение индивидуальных особенностей вариаций признаков и для задач сравнительного группового анализа неприменима. Словесное описание портретируемого, которое используют искусствоведы, в системе антропологического описания таким образом приобретает вид балловых характеристик выраженности того или иного морфологического признака головы и лица. Метод имеет и определённые ограничения: на живописном портрете в силу двухмерности изображения не все признаки можно определить корректно согласно традиционной методике; цветовая гамма может быть искажена за счёт старения красочного слоя; не все социальные слои могут быть представлены на портретах в силу понятных причин. Например, представление об облике российских крестьян XVII–XIX вв. может быть косвенно охарактеризовано через купечество, которое (в первом поколении) состояло, в первую очередь, из зажиточного слоя крестьянства. Из современных групп нами сделаны и проанализированы обобщённые изображения по европейской портретной живописи XVI–XVII вв. (Голландия, Франция, Германия, Италия, Испания)

⁴ На прошедшей в ГМИИ им. А. С. Пушкина 20 сентября 2013 г. — 19 января 2014 г. выставке «Голландский групповой портрет золотого века из собрания Амстердамского музея» нам удалось провести несколько контрольных определений, в том числе в условиях различной естественной освещённости залов музея.

и русской портретной живописи XVIII и начала XIX вв. (русское дворянство, купечество). Все портреты, за небольшим исключением, были атрибутированы. Материалы обработаны стандартными статистическими методами, по индивидуальным изображениям созданы словесные описания выборок и обобщенные портреты по оригинальной цифровой методике [14].

Приведём некоторые результаты наших работ, в первую очередь, по российскому населению [9; 14]. Сравнение выборок портретов столичных и уездных российских дворян показало некоторые различия в строении лица (соотношение высотных и широтных размеров, строение глазной области — высота орбит) и цвете глаз. Столичное дворянство оказалось антропологически более смешанной, а уездное — более однородной группой, что может объясняться скорее фенотипической пластичностью, а не генетическими различиями [19]. Обобщённый портрет русских купцов демонстрирует достоверные морфологические отличия (более низкие орбиты, меньшая ширина раскрытия глазной щели, бóльшая скуластость) по сравнению с дворянским сословием, которые могут отражать их реальные различия в генофондах. Портрет уездного дворянина по строению лица тяготеет к купеческому, при этом различия в антропологическом типе между сословиями незначительны и определяются как варианты средневропейского.

По итогам работ с западноевропейским художественным портретом интересные результаты получились с голландской выборкой, представляющей население Амстердама [16]. Время от создания первой картины, анализируемой в нашей выборке, до последней составило примерно сто лет (1557–1673 гг.). С такой хронологической протяжённостью мы имели возможность разбить выборку на две временные когорты — «раннюю» и «позднюю». Различия в физическом типе людей этих двух выборок хорошо заметны на обобщённых портретах (Илл. 154 и 155). Различия фиксируются в морфологии строения лица, в первую очередь, особенностями вертикального профиля — «поздний» портрет имеет заметную прогнатность общего профиля. А также в высоте нижнего этажа лица: у «раннего» портрета она больше за счёт массивной нижней челюсти с высоким телом (характерный признак для более древних и северных вариантов европеоидов). Общая характеристика всей выборки свидетельствует о преобладании средневропейских и северо-европейских антропологических вариантов, на отдельных лицах отмечаются черты средиземноморского типа. Некоторая «размытость» обобщённых портретов подтверждает смешанное происхождение выборки, что связано с этнической и антропологической неоднородностью населения Нидерландов, в том числе такого многочисленного портового города как Амстердам.

В настоящее время наши интересы сконцентрированы на изображениях античного Средиземноморья, которые представляют большой интерес для антропологов [21; 22], однако процесс формирования выборок по античным изображениям имеет некоторые трудности, так же, как и интерпретация полученных данных. Нами были опубликованы результаты работы по антропологическому описанию древнего населения на основе Фаюмского портрета [15] и по этрусским изображениям [17]. Фаюмские портреты, отображающие этнически смешанное население Египта первых веков нашей эры, при обобщении индивидуальных изображений демонстрируют классический средиземноморский антропологический тип (Илл. 156 и 157). И мужчины, и женщины схожи как по

описательным признакам, так и по обобщённым портретам, что является характерной чертой для выборок из однородной популяции. Фаумская выборка и полученные обобщённые изображения могут служить своеобразным репером при дальнейших исследованиях древних средиземноморских групп.

В иконографии votивных посвящений населения Центральной Италии V–II вв. до н. э. значительное место занимают изображения человека, в том числе анатомические votивы и votивные терракотовые головы, интересные для антропологического изучения [22; 23; 28]. Несмотря на различные мнения исследователей относительно портретности votивных голов [22; 27], в историографии античного портрета феномену этих этрусско-римских votивных терракот отводится одна из ключевых ролей. В связи с разработкой проблемы происхождения портрета и, в частности, концепции этрусского портрета, перспективы в изучении votивных голов видел Е. В. Мавлеев [11].

Антропологическое изучение памятников мирового культурного наследия на основе метода обобщённого портрета и методики морфологического описания, будучи по сути междисциплинарным, на наш взгляд, является перспективным как в исследовании этногенеза древних групп населения Европы, так и с позиции изучения ранних этапов портретного искусства.

Литература

1. *Абрамова З. А.* Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. — М.: Наука, 1966. — 224 с.
2. *Антонова Е. В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. — М.: Наука, 1977. — 152 с.
3. *Бужилова А. П.* Антропологические портреты исторических личностей: иллюстрация или независимый источник? // Вестник антропологии. Научный альманах. — М., 2007. — Вып. 15, ч. 1. — С. 45–51.
4. *Бунак В. В.* Антропометрия. — М.: УЧПЕДГИЗ, 1941. — 368 с.
5. *Вергелес М. О.* Антропологическая достоверность портретных изображений // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2018. — № 3. — С. 146–152.
6. *Герасимова М. М.* Лица наших предков. К 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. — СПб.: МАЭ РАН, 2007. — 48 с.
7. *Зинин А. М.* Внешность человека в криминалистике и судебной экспертизе. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 200 с.
8. Искусство портрета. Каталог выставки из собрания Государственного Эрмитажа. Казань, историко-культурный музей-заповедник «Казанский Кремль» / Науч. ред. А. А. Трофимова. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2018. — 240 с.
9. *Локк К. Э.* Живописный портрет как источник антропологической информации (методические аспекты): дис. ... к. б. н. — М., 2011. — 160 с.
10. *Локк К. Э.* Компьютерные методы суммирования изображений, обобщённый и усреднённый портреты // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. — 2011. — № 1. — С. 37–40.
11. *Мавлеев Е. В.* Концепция этрусского портрета. Семантика поиска и художественное открытие // Об-раз — смысл в античной культуре. — М., 1990. — С. 203–222.
12. *Маурер А. М.* Обобщённый фотопортрет как источник антропологической информации: дис. ... к. б. н. — Москва, 2006. — 162 с.
13. *Перевозчиков И. В., Маурер А. М.* Обобщённый фотопортрет: история, методы, результаты // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. — 2009. — № 1. — С. 35–44.
14. *Перевозчиков И. В., Локк К. Э., Сухова А. В., Тихомиров М. Н.* Результаты антропологического изучения портретной живописи России XVIII–XIX веков // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. — 2011. — № 1. — С. 25–36.

15. Перевозчиков И. В., Шпак Л. Ю., Шимановская А. С. К антропологии Фаюмского оазиса I–IV веков нашей эры // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. — 2012. — № 4. — С. 127–133.
16. Перевозчиков И. В., Вергелес М. О., Шпак Л. Ю., Сухова А. В. К антропологической характеристике населения Амстердама XVI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. — 2015. — № 4. — С. 97–106.
17. Перевозчиков И. В., Шпак Л. Ю. К антропологии этрусков // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. — 2018. — № 1. — С. 73–85.
18. Рогинский Я. Я. Об истоках возникновения искусства. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 32 с.
19. Хрисанфова Е. Н., Перевозчиков И. В. Антропология. — М.: Изд-во МГУ, Высшая школа, 2005. — 400 с.
20. Шпак Л. Ю. Эстетическое восприятие как биологическое свойство человека разумного (К вопросу о происхождении искусства в работах Я. Я. Рогинского) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. — 2015. — № 3. — С. 115–122.
21. Шпак Л. Ю. Древние изображения человека: оценка информативности в контексте их применения в физической антропологии. // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. — 2015. — № 4. — С. 116–125.
22. Шпак Л. Ю. Анатомические вотивы античного Средиземноморья: культурно-исторический феномен представления биологического и медицинского знания (по литературным данным) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. — 2018. — № 3. — С. 102–117.
23. Comella A. Offerte in forma di figura umana // *Thesaurus cultus et rituum antiquorum (ThesCRA) I* / Eds. J. Ch. Barlty et al. — Los Angeles: Getty Publications, 2004. — P. 330–359.
24. Galton F. Composite Portraits Made by Combining Those of Many Different Persons into a Single Figure // *Nature*. — 1878. — № 18. — P. 97–100.
25. Graham D., Pallett P., Meng M., Leder H. Representation and Aesthetics of the Human Face in Portraiture // *Art and Perception*. — 2014. — № 2. — P. 75–98.
26. Martin R. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer darstellung. Erster band: somatologie*. — Jena: Verlag von Gustav Fisher, 1928. — 578 s.
27. Steingraeber S. Zum Phänomen der etruskisch-italischen Votivkopfe // *RM (Mitteilungen des Deutschen Archäologischen)*. — 1980. — № 87. — P. 215–253.
28. Turfa J. M. *Anatomical Votives // Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum I. (ThesCRA) / Eds. J. Ch. Barlty et al.* — Los Angeles: Getty Publications, 2004. — P. 359–368.

Название статьи. Изобразительное искусство как антропологический источник

Сведения об авторах. Шпак Лариса Юрьевна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. Институт и музей антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова, Моховая ул., 11, Москва, Российская Федерация, 125009. larusparus@mail.ru ORCID:0000-0002-6936-9426

Перевозчиков Илья Васильевич (1939–2021) — доктор биологических наук, главный научный сотрудник. Институт и музей антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Моховая ул., 11, Москва, Российская Федерация, 125009.

Аннотация. Уже на ранних этапах становления антропологии как самостоятельной отрасли знания исследователи обратили внимание на произведения искусства как источник антропологической информации. До эпохи фотографии сведения о внешности человека можно было получить либо из его описания современниками, либо из его прижизненного изображения. В антропологии основным методом получения информации о биологических особенностях древнего населения является изучение костных останков. Оба подхода были объединены в методе антропологической реконструкции лица (М. М. Герасимов), но некоторые важные признаки внешности (например, пигментация, форма волос и др.) остаются вне системы описания. Мы применили к изучению изображений человека не индивидуальную типологический, а популяционный подход. Группа изображений с одной территории и хронологического периода анализируется как выборка из популяции с расчётами обычной статистики и созданием обобщённых портретов (метод Ф. Гальтона). Этот подход позволяет визуализировать образы древнего и современного населения Европы по произведениям искусства, характеризовать внутри- и межгрупповую изменчивость антропологических признаков. При определении описательных морфологических признаков используется стандартный набор принятых в антропологии шкал. Из современных групп сделаны и проанализированы обобщённые изображения по русской портретной живописи XVII–XIX вв., европейской портретной живописи XVI–XVII вв. Из древних групп исследо-

ваны Фаюмские погребальные портреты и этрусско-римские вотивные терракотовые головы. Антропологическое изучение памятников искусства является перспективным как в исследовании этногенеза древних групп населения Европы, так и с позиции изучения ранних этапов портретного искусства.

Ключевые слова: физическая антропология, древнее искусство, обобщённый портрет, метод Ф. Гальтона, русский портрет, европейский портрет, Фаюмский портрет, вотивные терракотовые головы

Title. Fine Art as an Anthropological Source

Authors. Shpak, Larisa Iurievna — Ph. D., senior researcher. Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya ul., 11, 125009 Moscow, Russian Federation. larusparus@mail.ru ORCID:0000-0002-6936-9426

Perevozchikov, Il'ia Vasilievich (1939–2021) — full doctor, chief researcher. Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya ul., 11, 125009 Moscow, Russian Federation.

Abstract. Already in the early stages of the development of anthropology as an independent branch of knowledge, researchers focused on fine art as a source of anthropological information. Before the era of photography, information about a person's appearance could be obtained either from his description by contemporaries, or from his lifetime portraiture. In anthropology, the main method of obtaining information about the biological characteristics of the ancient population is the study of bone remains. Both approaches were combined in the method of anthropological face reconstruction (M. M. Gerasimov), but some important features (for example, pigmentation, hair shape, etc) remain outside the description system. The authors have applied not an individual-typological, but a population approach to the study of human images. A group of images has been analyzed as a sample of individuals from the same territory and chronological period with the calculations of ordinary statistics and the construction of composite portraits (F. Galton's method). This approach enables us to visualize the images of the ancient and modern population of Europe by portraiture. Determining descriptive morphological features, a standard set of scales accepted in anthropology was used. Composite images were constructed and analyzed for modern groups, such as Russian portrait painting of the 17th–19th centuries and European portraiture of the 16th–17th centuries. Among ancient groups, Fayum burial portraits and Etruscan-Roman votive terracotta heads have been examined. The anthropological study of fine art is promising both in the research of the ethnogenesis of the ancient population groups of Europe, and in the study of the early stages of portraiture.

Keywords: physical anthropology, ancient art, composite portrait, F. Galton, Russian portraiture, European portraiture, Fayum portrait, votive terracotta heads

References

- Abramova Z. A. *Izobrazheniia cheloveka v paleoliticheskom iskusstve Evrazii (Human Images in the Paleolithic Art of Eurasia)*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 224 p. (in Russian).
- Antonova E. V. *Antropomorfnaia skulptura drevnikh zemledeltsev Perednei i Srednei Azii (Anthropomorphic Sculpture of Ancient Agriculturalist of the Near and Middle Asia)*. Moscow, Nauka Publ., 1977. 152 p. (in Russian).
- Bunak V. V. *Anthropometry*. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1941. 368 p. (in Russian).
- Buzhilova A. P. Anthropological Portraits: Illustration or Independent Source? *Vestnik antropologii (The Bulletin of Anthropology)*, Moscow, 2007, no. 15, part 1, pp. 45–51 (in Russian).
- Comella A. Offerte in forma di figura umana. Barly J. Ch. et al. (eds.). *Thesaurus cultus et rituum antiquorum I*. Los Angeles, Getty Publ., 2004, pp. 330–359 (in Italian).
- Galton F. Composite Portraits Made by Combining Those of Many Different Persons into a Single Figure. *Nature*, 1878, vol. 18, pp. 97–100.
- Gerasimova M. M. *Litsa nashikh predkov. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia M. M. Gerasimova (The Faces of Our Ancestors. To The 100th Anniversary of the Birth of M. M. Gerasimov)*. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 48 p. (in Russian).
- Graham D.; Pallett P.; Meng M.; Leder H. Representation and Aesthetics of the Human Face in Portraiture. *Art and Perception*, 2014, vol. 2, pp. 75–98.
- Khrisanfova E. N.; Perevozchikov I. V. *Anthropology*. Moscow, Moscow State University Publ., 2005. 400 p. (in Russian).

Lokk K. Je. *Zhivopisnyi portret kak istochnik antropologicheskoi informatsii (metodicheskie aspekty) (Portrait Painting as a Source of Anthropological Information (Methodological Aspects))*, Ph. D. Dissertation. Moscow, 2011. 160 p. (in Russian).

Lokk K. Je. Computer Methods of Summation Image. Composite Portrait and Average Face Shape. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2011, no. 1, pp. 37-44 (in Russian).

Martin R. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Erster band: Somatologie*. Jena, Verlag von Gustav Fisher Publ., 1928. 578 p. (in German).

Maurer A. M. *Obobshhionnyi fotoportret kak istochnik antropologicheskoi informatsii (Composite Photographic Portrait as a Source of Anthropological Information)*, Ph. D. Dissertation. Moscow, 2011. 162 p. (in Russian).

Mavleev E. V. Etruscan Portrait Concept. Semantics of Search and Artistic Discovery. *Obraz — smysl v antichnoy kul'ture (Image — Meaning in Ancient Culture)*. Moscow, 1990, pp. 203-222 (in Russian).

Pervezchikov I. V.; Lokk K. Je., Suhova A. V.; Tihomirov M. N. The Results of an Anthropological Study of Portrait Painting in Russia in the 18th-19th Centuries. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2011, no. 1, pp. 25-36 (in Russian).

Pervezchikov I. V.; Maurer A. M. Composite Photographic Portrait: History, Methods, Results. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2009, no. 1, pp. 35-44 (in Russian).

Pervezchikov I. V.; Shpak L. Iu.; Shimanovskaya A. S. The Anthropology of the Fayum Oasis of the 1st-4th Centuries AD. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2012, no. 4, pp. 127-133 (in Russian).

Pervezchikov I. V.; Shpak L. Iu. To the Anthropology of the Etruscans. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2018, no. 1, pp. 73-85 (in Russian).

Pervezchikov I. V.; Vergeles M. O.; Shpak L. Iu.; Sukhova A. V. The Anthropological Characteristics of the Amsterdam Population from the 16th and 17th Centuries. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2015, no. 4, pp. 97-106 (in Russian).

Roginsky Ia. Ia. *Ob istokakh voznikoveniia iskusstva (About the Origins of Art)*. Moscow, Moscow State University Publ., 1982. 32 p. (in Russian).

Shpak L. Iu. Aesthetic Perception as Biological Characteristic of Homo Sapiens (Y. Y. Roginsky's Opinion on the Origin of Art). *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2015, no. 4, pp. 116-125 (in Russian).

Shpak L. Iu. The Ancient Image of Man: Information Content in Its Application in Physical Anthropology. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2015, no. 4, pp. 116-125 (in Russian).

Shpak L. Iu. The Ancient Mediterranean Anatomical Votives: The Cultural and Historical Phenomenon of the Representation of Biological and Medical Knowledge (From Literary Sources). *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2018, no. 3, pp. 102-117 (in Russian).

Steingraeber S. Zum Phänomen der etruskisch-italischen Votivköpfe. *Römische Mitteilungen (Mitteilungen des Deutschen Archäologischen)*, 1980, vol. 87, pp. 215-253 (in German).

Trofimova A. A. (ed.). *Portrait Art. Exhibition Catalogue from the Collection of the State Hermitage*. Kazan, Historical and Cultural Museum-Reserve "Kazan Kremlin". St. Petersburg, The State Hermitage Museum Publ., 2018. 240 p. (in Russian).

Turfa J. M. Anatomical Votives. Balty J. Ch. et al. (eds.). *Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum I*. Los Angeles, Getty Publ., 2004, pp. 359-368.

Vergeles M. O. Realism of Face Depiction in Portraiture. *Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii (Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*. Novosibirsk, 2018, no. 3, pp. 146-152 (in Russian).

Zinin A. M. *Vneshnost' cheloveka v kriminalistike i sudebnoi ekspertize (Human Appearance in Criminalistics and Forensic Science)*. Moscow, Juristic literature information Publ., 2015. 200 p. (in Russian).

Илл. 154. Перевозчиков И. В., Шпак Л. Ю. Обобщённый портрет «ранних» голландцев, жителей Амстердама (N = 27). Цифровое обобщение по методу Ф. Гальтона. Воспроизводится по: Вестник МГУ. Серия 23. Антропология, 2015, № 4, с. 105

Илл. 155. Перевозчиков И. В., Шпак Л. Ю. Обобщённый портрет «поздних» голландцев, жителей Амстердама (N = 21). Цифровое обобщение по методу Ф. Гальтона. Воспроизводится по: Вестник МГУ. Серия 23, Антропология, 2015, № 4, с. 105

Илл. 156. Перевозчиков И. В., Шпак Л. Ю. Фаюмский обобщённый портрет женщин (N = 40). Цифровое обобщение по методу Ф. Гальтона. Воспроизводится по: Вестник МГУ. Серия 23. Антропология, 2012, № 4, с. 132

Илл. 157. Перевозчиков И. В., Шпак Л. Ю. Фаюмский обобщённый портрет мужчин (N = 39). Цифровое обобщение по методу Ф. Гальтона. Воспроизводится по: Вестник МГУ. Серия 23. Антропология, 2012, № 4, с. 131